

Владимир Владимирович Маяковский

КЛОП

Феерическая комедия

ДЕВЯТЬ КАРТИН

РАБОТАЮТ:

Присыпкин — Пьер Скрипкин — бывший рабочий,
бывший партиец, ныне жених.

Зоя Березкина — работница.

Эльзевира Давидовна — невеста,
маникюрша, кассирша
парикмахерской

} Ренессанс.

Розалия Павловна — мать-парикмахерша

Давид Осипович — отец-парикмахер

Олег Баян — самородок, из домовладельцев.

Милиционер.

Профессор.

Директор зоосада.

Брандмейстер.

Пожарные.

Шафер.

Репортер.

Рабочие аудитории.

Председатель горсовета.

Оратор.

Вузовцы.

Распорядитель празднества.

Президиум горсовета, охотники, дети, старики.

I

Центр — вертящаяся дверица универмага, бока остекленные,
затоваренные витрины. Входят пустые, выходят с пакетами.

По всему театру расхаживают частники-лотошники.

Пуговичный разносчик

Из-за пуговицы не стоит жениться, из-за пуговицы не стоит разводиться! Нажатие большого и указательного пальца, и брюки с граждан никогда не свалятся.

Голландские,
механические,
самопришивающиеся пуговицы,
6 штук 20 копеек...
Пожалте, мусью!

Разносчик кукол

Танцующие люди
из балетных студий.
Лучшая игрушка
в саду и дома,
танцует по указанию
самого наркома!

Разносчица яблочек

Ананасов!
нету...
Бананов!
нету...
Антоковские яблочки 4 штуки 15 копеек.
Прикажите, гражданочка!

Разносчик точильных камней
Германский
небьющийся
точильный брусок,
30
копеек
любой
кусочек.
Точит
в любом
направлении
и вкусе
бритвы,
ножи
и языки для дискуссий!
Пожалте, граждане!

Разносчик абажуров
Абажуры
любой
расцветки и масти.
Голубые для уюта,
красные для сладострастий.
Устраивайтесь, товарищи!

Продавец шаров
Шары-колбаски.
Летай без опаски.
Такой бы
шар
генералу Нобиле, —
они бы на полюсе
дольше побыли.
Берите, граждане...

Разносчик селедок
А вот
лучшие
республиканские селедки,
незаменимы
к бликам и водке!

Разносчица галантереи
Бюстгальтеры на меху,
бюстгальтеры на меху!

Продавец клея
У нас
и за границей,
а также повсюду
граждане
выбрасывают
битую посуду.
Знаменитый
Экцельзиор,
клей-порошок,
клеит
и Венеру
и ночной горшок.
Угодно, сударыня?

Разносчица духов

Духи Кóти
на золотники!
Духи Кóти
на золотники!

Продавец книг

Что делает жена, когда мужа нету дома, 105 веселых анекдотов бывшего графа Льва Николаевича Толстого вместо рубля двадцати — пятнадцать копеек.

Разносчица галантереи

Бюстгальтеры на меху,
бюстгальтеры на меху!

Входят Присыпкин, Розалия Павловна, Баян.

Разносчица

Бюстгальтеры...

Присыпкин (*восторженно*). Какие аристократические чепчики!

Розалия Павловна. Какие же это чепчики, это же...

Присыпкин. Что ж я без глаз, что ли? А ежели у нас двойня родится? Это вот на Дороти, а это на Лилиан... Я их уже решил назвать аристократическо-кинематографически... так и будут гулять вместе. Во! Дом у меня должен быть полной чашей. Захватите, Розалия Павловна!

Баян (*подхихикивая*). Захватите, захватите, Розалия Павловна! Разве у них пошлость в голове? Оне молодой класс, оне всё по-своему понимают. Оне к вам древнее, незапятнанное пролетарское происхождение и профсоюзный билет в дом вносят, а вы рубли жалеете! Дом у них должен быть полной чашей.

Розалия Павловна, вздохнув, покупает.

Я донесу... они легонькие... не извольте беспокоиться... за те же деньги...

Разносчик и грушек. Танцующие люди из балетных студий...

Присыпкин. Мои будущие потомственные дети должны воспитываться в изящном духе. Во! Захватите, Розалия Павловна!

Розалия Павловна. Товарищ Присыпкин...

Присыпкин. Не называйте меня товарищем, гражданинка, вы еще с пролетариатом не породнились.

Розалия Павловна. Будущий товарищ, гражданин Присыпкин, ведь за эти деньги пятнадцать человек бороды побреют, не считая мелочей — усов и прочего. Лучше пива к свадьбе лишнюю дюжину. А?

Присыпкин (*строго*). Розалия Павловна! У меня дом...

Баян. У него дом должен быть полной чашей. И танцы и пиво у него должны бить фонтаном, как из рога изобилия.

Розалия Павловна покупает.

(*схватывая сверточки*). Не извольте беспокоиться, за те же деньги.

Разносчик пуговиц.

Из-за пуговицы не стоит жениться!

Из-за пуговицы не стоит разводиться!

Присыпкин. В нашей красной семье не должно быть никакого мещанского быта и брючных неприятностей. Во! Захватите, Розалия Павловна!

Баян. Пока у вас нет профсоюзного билета, не раздражайте его, Розалия Павловна. Он — победивший класс, и он сметает всё на своем пути, как лава, и брюки у товарища Скрипкина должны быть полной чашей.

Розалия Павловна покупает со вздохом.

Извольте, я донесу за те же самые...

Продавец сельдей.

Лучшие республиканские селедки!

Незаменимы

при всякой водке!

Розалия Павловна (*отстраняя всех, громко и повеселевши*). Селедка — это — да! Это вы будете иметь для свадьбы вещь. Это я да захвачу! Пройдите, мосье мужчины! Сколько стоит эта килька?

Разносчик. Эта лососина стоит 2.60 кило.

Розалия Павловна. 2.60 за этого шпрота-переростка?

Продавец. Что вы, мадам, всего 2.60 за этого кандидата в осетрины!

Розалия Павловна. 2.60 за эти маринованные корсетные кости? Вы слышали, товарищ Скрипкин? Так вы были правы, когда вы убили царя и прогнали господина Рябушинского! Ой, эти бандиты! Я найду мои гражданские права и мои селедки в государственной советской общественной кооперации!

Баян. Подождем здесь, товарищ Скрипкин. Зачем вам сливаться с этой мелкобуржуазной стихией и покупать сельдей в таком дискуссионном порядке? За ваши 15 рублей и бутылку водки я вам организую свадьбочку на «ять».

П р и с ы п к и н. Товарищ Баян, я против этого мещанского быту — канареек и прочего... Я человек с крупными запросами... Я — зеркальным шкафом интересуюсь...

З о я Б е р е з к и н а почти натывается на говорящих,
удивленно отступает, прислушиваясь.

Б а я н. Когда ваш свадебный кортэж...

П р и с ы п к и н. Что вы болтаете? Какой картёж?

Б а я н. Кортэж, я говорю. Так, товарищ Скрипкин, называется на красивых иностранных языках всякая, и особенно такая, свадебная торжественная поездка.

П р и с ы п к и н. А! Ну-ну-ну!

Б а я н. Так вот, когда кортэж подъедет, я вам спую эпиталаму Гименея.

П р и с ы п к и н. Чего ты болтаешь? Какие еще такие Гималаи?

Б а я н. Не Гималаи, а эпиталаму о боге Гименее. Это такой бог любви был у греков, да не у этих желтых, озверевших соглашателей Венизелосов, а у древних, республиканских.

П р и с ы п к и н. Товарищ Баян, я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов! Понял?

Б а я н. Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что понял, а силой, согласно Плеханову, дозволенного марксистам воображения я как бы сквозь призму вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и упоительное торжество!.. Невеста вылезает из кареты — красная невеста... вся красная, — упарилась, значит; ее выводит красный посаженный отец, бухгалтер Ерыкалов, — он как раз мужчина тучный, красный, апоплексический, — вводят это вас

красные шафера, весь стол в красной ветчине и бутылки с красными головками.

П р и с ы п к и н (*сочувственно*). Во! Во!

Б а я н. Красные гости кричат «горько, горько», и тут красная (уже супруга) протягивает вам красные-красные губки...

З о я (*растерянно хватая за рукава обоих. Оба снимают ее руки, сбивая щелчком пыль*). Ваня! Про что он? Чего болтает эта каракатица в галстук? Какая свадьба? Чья свадьба?

Б а я н. Красное трудовое бракосочетание Эльзевиры Давидовны Ренесанс и...

П р и с ы п к и н

Я, Зоя Ванна, я люблю другую.
Она изячней и стройней,
и стягивает грудь тугую
жакет изысканный у ней.

З о я. Ваня! А я? Что ж это значит: поматросил и бросил?

П р и с ы п к и н (*вытягивая отстраняющую руку*). Мы разошлись, как в море корабли...

Р о з а л и я П а в л о в н а (*вырывается из магазина, неся сельди над головой*). Киты! Дельфины! (*Торговцу сельдями.*) А ну, покажи, а ну, сравни твою улитку! (*Сравнивает; сельдь лотошника больше; всплескивает руками.*) На хвост больше?! За что боролись, а, гражданин Скрипкин? За что мы убили государя императора и прогнали господина Рябушинского, а? В могилу меня вкопает советская ваша власть... На хвост, на целый хвост больше!..

Б а я н. Уважаемая Розалия Павловка, сравните с другого конца, — она ж и больше только на головку, а зачем вам головка, — она ж несъедобная, отрезать и выбросить.

Р о з а л и я П а в л о в н а. Вы слышали, что он сказал? Головку отрезать. Это вам головку отрезать, гражданин Баян, ничего не убавится и ничего не стóбит, а ей отрезать головку стоит десять копеек на килé. Ну! Домой! Мне очень нужен профессиональный союзный билет в доме, но дочка на доходном предприятии — это тоже вам не бык на палочке.

З о я. Жить хотели, работать хотели... Значит, всё...

П р и с ы п к и н. Гражданка! Наша любовь ликвидирована. Не мешайте свободному гражданскому чувству, а то я милицию позову.

З о я, плачущая, вцепилась в рукав. П р и с ы п к и н вырывается.

Р о з а л и я П а в л о в н а становится между ним и Зоей,
роняя покупки.

Р о з а л и я П а в л о в н а. Чего надо этой лахудре? Чего вы цепляетесь за моего зятя?

З о я. Он мой!

Р о з а л и я П а в л о в н а. А!.. Она таки с дитём! Я ей заплачу алименты, но я ей разобью морду!

М и л и ц и о н е р. Граждáне, прекратите эту безобразную сцену!

II

Молодняцкое общежитие. И з о б р е т а т е л ь сопит и чертит.

П а р е н ь валяется; на краю кровати д е в у ш к а. О ч к а с т ы й ушел головой в книгу. Когда раскрываются двери,
виден коридор с дверями и лампочки.

Б о с о й п а р е н ь (*орет*). Где сапоги? Опять сапоги сперли. Что ж мне их на ночь в камеру хранения ручного и ножного багажа на Курский вокзал относить, что ли?

У б о р щ и к. Это в них Присыпкин к своей верблюдихе на свидание затопал. Надевал — ругался. В последний раз, говорит. А вечером, говорит, явлюсь в обновленном виде, более соответствующем моему новому социальному положению.

Б о с о й. Сволочь!

М о л о д о й р а б о ч и й (*убирает*). И сор-то после него стал какой-то благородный, деликатный. Раньше што? Бутыль с-под пива да хвост воблы, а теперь баночки ТЭШЭ. да ленточки разрадуженные.

Д е в у ш к а. Брось трепаться, парень галстук купил, так его уже Макдональдом ругаете.

П а р е н ь. Макдоиальд и есть! Не в галстук дело, а в том, что не галстук к нему, а он к галстуку привязан. Даже не думает — головой пошевелить боится.

У б о р щ и к. Лаком дырки покрывает; заторопился, дыру на чулке видать, так он ногу на ходу чернильным карандашом подмазывал.

П а р е н ь. Она у него и без карандаша черная.

И з о б р е т а т е л ь. Может быть, не на том месте черная. Надо бы ему носки переодеть.

У б о р щ и к. Сразу нашелся — изобретатель. Патент заявляй. Смотри, чтоб идею не сперли. *(Рванул тряпкой по столику, скидывает коробку, — разваливаются веером карточки. Нагибается собрать, подносит к свету, заливается хохотом, еле созывая рукой товарищей.)*

В с е *(перечитывают, повторяют)*. Пьер Скрипкин. Пьер Скрипкин!

И з о б р е т а т е л ь. Это он себе фамилию изобрел. Присыпкин. Ну, что это такое Присыпкин? На что Присыпкин? Куда Присыпкин? Кому Присыпкин? А Пьер Скрипкин — это уже не фамилия, а романс!

Д е в у ш к а *(мечтательно)*. А ведь верно: Пьер Скрипкин — это очень изящно и замечательно. Вы тут гогочете, а он, может, культурную революцию на дому проделывает.

П а р е н ь. Мордой он уже и Пушкина превзошел. Висят баки, как хвост у собаки, даже не моет — растрепать боится.

Д е в у ш к а. У Гарри Пиля тоже эта культура по всей щеке пущена.

И з о б р е т а т е л ь. Это его учитель по волосатой части развивает.

П а р е н ь. И па чем только у этого учителя волоса держатся: головы никакой, а курчавости сколько угодно. От сырости, что ли, такие заводятся?

П а р е н ь с к н и г о й. Н-е-ет. Он — писатель. Чего писал — не знаю, а только знаю, что знаменитый! «Вечерка» про него три раза писала: стихи, говорит, Апухтина за свои продал, а тот как обиделся, опровержение написал. Дураки, говорит, вы, неверно всё, — это я у Надсона списал. Кто из них прав — не знаю. Печатать его больше не печатают, а знаменитый он теперь очень — молодежь обучает. Кого стихам, кого пению, кого танцам, кого так... деньги занимать.

П а р е н ь с м е т л о й. Не рабочее это дело — мозоль лаком нагонять.

С л е с а р ь, засаленный, входит посредине фразы,
моет руки, оборачивается.

С л е с а р ь. До рабочего у него никакого касательства, расчет сегодня брал, женится на девице, парикмахеровой

дочке — она же кассирша, она же маникюрша, Когти ему теперь стричь будет мадмуазель Эльзевира Ренесанс.

И з о б р е т а т е л ь. Эльзевир — шрифт такой есть.

С л е с а р ь. Насчет шрифтов не знаю, а корпус у нее — это верно. Карточку бухгалтеру для скорости расчетов показывал.

Ну и милка, ну и чудо, —
одни груди по два пуда.

Б о с о й. Устроился!

Д е в у ш к а. Ага! Завидки берут?

Б о с о й. А что ж, я тоже, когда техноруком стану да ежедневные сапоги заведу, я тоже себе лучшую квартир-ренку пообнюхаю.

С л е с а р ь. Я тебе вот что советую: ты занавесочки себе заведи. Раскрыл занавесочку — на улицу посмотрел. Закрыл занавесочку — взятку тяпнул. Это только работать одному скучно, а курицу есть одному веселее. Правильно? Из окопов такие тоже устраиваться бегали, только мы их шлепали. Ну что ж — пошел!

Б о с о й. И пойду и пойду. А ты что из себя Карла Либкнехта корчишь? Тебя из окна с цветочками помани, тоже небось припустишься... Герой!

С л е с а р ь. Никуда не уйду. Ты думаешь, мне эта рвань и вонь нравится? Нет. Нас, видите ли, много. На всех на нас нэповских дочек не наготовишься. Настроим домов и двинем сразу... Сразу все. Но мы из этой окопной дыры с белыми флагами не вылезем.

Б о с о й. Зарядил — окопы. Теперь не девятнадцатый год. Людям для себя жить хочется.

С л е с а р ь. А что — не окопы?

Б о с о й. Врешь!

С л е с а р ь. Вшей сколько хошь.

Б о с о й. Врешь!

С л е с а р ь. А стреляют бесшумным порохом.

Б о с о й. Врешь!

С л е с а р ь. Вот уже Присыпкина из глазной двухстволки подстрелили.

Входит П р и с ы п к и н в лакированных туфлях,
в вытянутой руке несет за шнурки стоптанные башмаки,
кидает Босому. Б а я н с покупками. Заслоняет от Скрипкина
откалывающего слесаря.

Б а я н. Вы, товарищ Скрипкин, внимания на эти грубые танцы не обращайтесь, оне вам нарождающийся тонкий вкус испортят.

Ребята общежития отворачиваются.

С л е с а р ь. Брось кланяться! Набалдашник расколотишь.

Б а я н. Я понимаю вас, товарищ Скрипкин: трудно, невозможно, при вашей нежной душе, в ихнем грубом обществе. Еще один урок оставьте ваше терпение не лопиутым. Ответственнейший шаг в жизни — первый фокстрот после бракосочетания. На всю жизнь должен впечатление оставить. Ну-с, пройдите с воображаемой дамой. Чего вы стучите, как на первомайском параде?

П р и с ы п к и н. Товарищ Баян, башмаки сниму: во-первых, жмут, во-вторых, стаптываются.

Б а я н. Вот, вот! Так, так, тихим шагом, как будто в лунную ночь в мечтах и меланхолии из пивной возвращаетесь. Так, так! Да не шевелите вы нижним бюстом, вы же не вагонетку, а мадмуазель везете. Так, так! Где рука? Низко рука!

П р и с ы п к и н (*скользит на воображаемом плече*). Не держится она у меня на воздухе.

Б а я н. А вы, товарищ Присыпкин, легкой разведкой лифчик обнаружьте и, как будто для отдохновения, большим пальчиком упритесь, и даме сочувствие приятно, и вам облегчение — о другой руке подумать можете. Чего плечьями затрясли? Это уже не фокстрот, это вы уже шиммское «па» продемонстрировать изволили.

П р и с ы п к и н, Нет. Это я так... на ходу почесался.

Б а я н. Да разве ж так можно, товарищ Присыпкин! Если с вами в вашем танцевальном вдохновении такой казус случится, вы закатите глаза, как будто даму ревнуете, отступите по-испански к стене, быстро потритесь о какую-нибудь скульптуру (в фешенебельном обществе, где вы будете вращаться, так этих скульптур и ваз разных всегда до черта наворочено). Потритесь, передернитесь, сверкните глазами и скажите: «Я вас понял, *коваррррная*, вы мной играете... но...» и опять пуститесь в танец, как бы постепенно охлаждаясь и успокаиваясь.

П р и с ы п к и н. Вот так?

Б а я н. Bravo! Хорошо! Талант у вас, товарищ Присыпкин! Вам в условиях буржуазного окружения и постро-

ения социализма в одной стране — вам развернуться негде. Разве наш Средний Козий переулочек для вас достойное поприще? Вам мировая революция нужна, вам выход в Европу требуется, вам только Чемберленов и Пуанкаров сломить, и вы Мулен Ружи и Пантеоны красотой телодвижений восхищать будете. Так и запомните, так и замрите! Превосходно! А я пошел. За этими шаферами нужен глаз да глаз, до свадьбы задатком стакан и ни росинки больше, а работу выполняют, тогда хоть из горлышка. Оревуар¹, (*Уходит, крича из дверей.*) Не надевайте двух галстуков одновременно, особенно разноцветных, и зарубите на носу: нельзя на выпуск носить крахмальную рубаху!

П р и с ы п к и н меряет обновки.

П а р е н ь. Ванька, брось ты эту бузу, чего это тебя так расчучелило?

П р и с ы п к и н. Не ваше собачье дело, уважаемый товарищ! За што я боролся? Я за хорошую жизнь боролся. Вон она у меня под руками: и жена, и дом, и настоящее обхождение. Я свой долг, на случай надобности, всегда исполнить сумею. Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю. Во!

С л е с а р ь. Боец! Суворов! Правильно!

Шел я верхом,
шел я низом,
строил мост в социализм,
не достроил
и устал
и уселся у моста.
Травка выросла у моста.
По мосту идут овечки.
Мы желаем
очень просто
отдохнуть у этой речки...

Так, что ли?

П р и с ы п к и н. Да ну тебя! Отстань ты от меня с твоими грубыми агитками... Во! (*Садится на кровать, напевает под гитару.*)

¹ До свидания (*фр.* — Au revoir).

На Луначарской улице
я помню старый дом —
с широкой чудной лестницей,
с изящнейшим окном.

Выстрел. Бросаются к двери.

П а р е н ь (*из двери*). Зоя Березкина застрелилась!

Все бросаются к двери.

Эх, и покроют ее теперь в ячейке!

Г о л о с а.

— Скорее...

— Скорее...

— Скорую...

— Скорую...

Г о л о с. Скорая! Скорей! Что? Застрелилась! Грудь! На-
вылет. Средний Козий, 16.

П р и с ы п к и н один, спешно собирает вещи.

С л е с а р ь. Из-за тебя, мразь волосатая, и такая баба
убилась! Вон! (*Берет Присыпкина за пиджак, вышвыривает в дверь и следом выбрасывает вещи.*)

У б о р щ и к (*бегущий с врачом, придерживает и приподымает Присыпкина, подавая ему вылетевшую шляпу*). И с треском же ты, парень, от класса отрываешься!

П р и с ы п к и н (*отворачиваясь, орет*). Извозчик, улица Луначарского, 17! С вещами!

III

Большая парикмахерская комната. Бока в зеркалах.

Перед зеркалами бумажные цветища. На бритвенных столиках
бутылки. Слева авансены рояль с разинутой пастью, справа печь,
заворачивающая трубы по всей комнате. Посредине комнаты
круглый свадебный стол. За столом: П ь е р С к р и п к и н,
Э л ь з е в и р а Р е н е с а н с, двое шаферов и шафериц,
мамаша и папаша Р е н е с а н с. Посажены отец —
б у х г а л т е р и такая же мать. О л е г Б а я н распоряжается
в центре стола, спиной к залу.

Э л ь з е в и р а. Начнем, Скрипочка?

С к р и п к и н. Обождать.

Пауза.

Эльзевира. Скрипочка, начнем?

Скрипкин. Обождать. Я желаю жениться в организованном порядке и в присутствии почетных гостей и особенно в присутствии особы секретаря завкома, уважаемого товарища Лассальченко... Во!

Гость (*вбегая*). Уважаемые новобрачные, простите великодушно за опоздание, но я уполномочен передать вам брачные пожелания нашего уважаемого вождя, товарища Лассальченко. Завтра, говорит, хоть в церковь, а сегодня, говорит, прийти не могу. Сегодня, говорит, партдень, и хочешь не хочешь, а в ячейку, говорит, поттить надо. Перейдем, так сказать, к очередным делам.

Присыпкин. Объявляю свадьбу открытой.

Розалия Павловна. Товарищи и мусье, кушайте, пожалуйста. Где вы теперь найдете таких свиней? Я купила этот окорок три года назад на случай войны или с Грецией, или с Польшей. Но... войны еще нет, а ветчина уже портится. Кушайте, мусье.

Все (*подымают стаканы и рюмки*). Горько! Горько!..

Эльзевира и Пьер целуются.

Горько! Го-о-о-р-ь-к-о-о!

Эльзевира повисает на Пьере. Пьер целует степенно
и с чувством классового достоинства.

Посаженный отец — бухгалтер. Бетховена!... Шакеспеара!.. Просим изобразить кой-чего. Не зря мы ваши юбилеи ежедневно празднуем!

Тащат рояль.

Голоса. Под крылышко, под крылышко ее берите! Ух, и зубов, зубов-то! Вдарить бы!

Присыпкин. Не оттопчите ножки моей рояли.

Баян (*встает, покачивается и расплескивает рюмку*). Я счастлив, я счастлив видеть изящное завершение на данном отрезке времени полного борьбы пути товарища Скрипкина. Правда, он потерял на этом пути один частный партийный билет, но зато приобрел много билетов государственного займа. Нам удалось согласовать и увязать их классовые и прочие противоречия, в чем нельзя не видеть вооруженному марксистским взглядом, так

сказать, как в капле воды, будущее счастье человечества, именуемое в простонародье социализмом.

В с е. Горько! Горько!

Эльзевира и Скрипкин целуются.

Б а я н. Какими капитальными шагами мы идем вперед по пути нашего семейного строительства! Разве когда мы с вами умирали под Перекопом, а многие даже умерли, разве мы могли предположить, что эти розы будут цвести и благоухать нам уже на данном отрезке времени? Разве когда мы стонали под игом самодержавия, разве хотя бы наши великие учителя Маркс и Энгельс могли бы предположительно мечтать или даже мечтательно предположить, что мы будем сочетать узами Гименея безвестный, но великий труд с поверженным, но очаровательным капиталом?

В с е. Горько!.. Горько!..

Б а я н. Уважаемые граждане! Красота — это двигатель прогресса! Что бы я был в качестве простого трудящегося? Бочкин и — больше ничего! Что я мог в качестве Бочкина? Мычать! И больше ничего! А в качестве Баяна — сколько угодно! Например:

Олег Баян
от счастья пьян.

И вот я теперь Олег Баян, и я пользуюсь, как равноправный член общества, всеми благами культуры и могу выражаться, то есть нет — выражаться я не могу, но могу разговаривать, хотя бы как древние греки: «Эльзевира Скрипкина, передайте рыбки нам». И мне может вся страна отвечать, как какие-нибудь трубадуры:

Для промывки вашей глотки,
за изящество и негу
хвост сельдя и рюмку водки
преподносим мы Олегу.

В с е. Bravo! Ура! Горько!

Б а я н. Красота — это мать...

Ш а ф е р (*мрачно и вскакивая*). Мать! Кто сказал «мать»? Прошу не выражаться при новобрачных.

Шафера оттаскивают.

В с е. Бетховена! Камаринского!

Тащат Баяна к роялю.

Б а я н

Съезжались к загсу трамваи —
там красная свадьба была...

В с е

(подпевают)

Жених был во всей прозодежде,
из блузы торчал профбилет!

Б у х г а л т е р. Понял! Все понял! Это значит!

Будь здоров, Олег Баянчик,
кучерявенький баранчик...

П а р и к м а х е р *(с вилкой лезет к посаженной маме)*.
Нет, мадам, настоящих кучерявых теперь, после революции, нет. Шиньон гофре делается так... Берутся щипцы *(вертит вилкой)*, нагреваются на слабом огне а-ля этуаль *(тычет вилку в пламя печи)*, и взбивается на макушке эдакое волосяное суфле.

П о с а ж е н а я. Вы оскорбляете мое достоинство как матери и как девушки... Пустите... Сукин сын!!!

Ш а ф е р. Кто сказал «сукин сын»? Прошу не выражаться при новобрачных!

Бухгалтер разнимает, подпевая, пытаюсь крутнуть ручку кассового счетчика, с которым он вертится, как с шарманкой.

Э л ь з е в и р а *(к Баяну)*. Ах! Сыграйте, ах! Вальс «Тоска Макарова по Вере Холодной». Ах, это так шарман¹ ах, это просто петит истуар...²

Ш а ф е р *(вооруженный гитарой)*. Кто сказал «писсуар»? Прошу при новобрачных...

Баян разнимает и набрасывается на клавиши.

(Приглядываясь, угрожающе). Ты что же это на одной черной кости играешь? Для пролетариата, значит, на половине, а для буржуазии на всех?

¹ Прелестно (*фр.* — charmant).

² Маленькая история (*фр.* — petite histoire).

Б а я н. Что вы, что вы, гражданин? Я на белых костях в особенности стараюсь.

Ш а ф е р. Значит, опять выходит, что белая кость лучше? Играй на всех!..

Б а я н. Да я на всех!

Ш а ф е р. Значит, с белыми вместе, соглашатель?

Б а я н. Товарищ... Так это же... цедура.

Ш а ф е р. Кто сказал «дура»? При новобрачных. Во!!!
(Грохает гитарой по затылку.)

Парикмахер нацепливает на вилку волосы посаженной матери. При-
сыпкин оттесняет бухгалтера от жены.

П р и с ы п к и н. Вы что же моей жене селедку в грудь тычете? Это же ж вам не клумба, а грудь, и это же вам не хризантема, а селедка!

Б у х г а л т е р. А вы нас лососяной угощали? Угощали? Да? А сами орете — да?

В драке опрокидывают газовую невесту на печь,
печь опрокидывается, — пламя, дым.

К р и к и. Горим!!! Кто сказал «горим»?.. Пожар! Лосо-
сину...

Съезжались из загса трамваи...

IV

В чернейшей ночи поблескивает от недалекого пламени
каска пожарного. Н а ч а л ь н и к один. Подходят
и уходят докладывающие п о ж а р н ы е.

1-й п о ж а р н ы й. Не совладать, товарищ начальник!
Два часа никто не вызывал... Пьяные стервы!! Горит, как
пороховой склад. (Уходит.)

Н а ч а л ь н и к. Чего ж ему не гореть? Паутина да спирт.

2-й п о ж а р н ы й. Затухает, вода на лету сосулится.
Погреб водой залили глаже, чем каток. (Уходит.)

Н а ч а л ь н и к. Телá нашли?

3-й п о ж а р н ы й. Одного погрузили, Еся коробка ис-
порчена. Должно быть, балкой поломана. Прямо в морг,
(Уходит.)

4-й п о ж а р н ы й. Погрузили... одно обгоревшее тело
неизвестного пола с вилкой в голове.

1-й п о ж а р н ы й. Под печкой обнаружена бывшая женщина с проволочным венчиком на затылочных костях.

3-й п о ж а р н ы й. Обнаружен неизвестный довоенного телосложения с кассой в руках — очевидно, при жизни бандит.

2-й п о ж а р н ы й. Среди живых нет никого... Среди трупов недосчитывается один, так что согласно ненахождения полагаю — сгорел по мелочам.

1-й п о ж а р н ы й. Ну и иллюминация! Прямо театр, только все действующие лица сгорели.

3-й п о ж а р н ы й

Везла их со свадьбы карета,
карета под красным крестом.

Г о р н и с т скликает пожарных. Строятся.
Маршируют через театр, выкрикивая.

П о ж а р н ы е

Товарищи и граждане,
водка — яд.

Пьяные
республику
зазря спалят!

Живя с каминами,
живя с примусами,
сожжете дом
и сгорите сами!

Случайный
сон —
причина пожаров, —

на сон
не читайте
Надсо́на и Жарова!

V

Огромный до потолка зал заседаний, вздымающийся амфитеатром. Вместо людских голосов — радиораструбы, рядом несколько висящих рук по образцу высовывающихся из автомобилей. Над каждым раструбом цветные электрические лампы, под самым потолком экран. Посредине трибуна

с микрофоном. По бокам трибуны распределители и регуляторы голосов и света. Два механика — старик и молодой — возятся в темной аудитории.

Старый (*сдувая разломаченной щеткой из перьев пыль с раштрубов*). Сегодня важное голосование. Смажь маслом и проверь голосователный аппарат земледельческих районов. Последний раз была заминка. Голосовали со скрипом.

Молодой. Земледельческие? Хорошо! Центральные смажу. Протру замшей горло смоленским аппаратам. На прошлой неделе опять похрипывали. Надо подвинтить руки служебным штатам столиц, а то у них какой-то уклончик: правая за левую цепляется.

Старый. Уральские заводы готовы. Металлургические курские включим, там провели новый аппарат на шестьдесят две тысячи голосов второй группы электростанции Запорожья. С ними ничего, работа легка.

Молодой. А ты еще помнишь, как раньше было? Смешно, должно быть?

Старый. Меня раз мамка на руках на заседание носила. Народу совсем мало — человек тысячу скопилось, сидят, как дармоеды, и слушают. Вопрос был какой-то важный и громкий, одним голосом прошел. Мать была против, а проголосовать не могла, потому что меня на руках держала.

Молодой. Ну конечно! Кустарничество!

Старый. Раньше такой аппарат и не годился бы. Бывало, человеку *первому* руку поднять надо, чтоб его заметили, так он ее под нос председателю тычет, к самой ноздре подносит обе, жалеет только, что не древняя богиня Изи-да, а то б в двенадцать рук голосовал. А многие спасались. Про одного рассказывали, что он какую-то важную дискуссию всю в уборной просидел — голосовать боялся. Сидел п задумывался, шкуру, значит, служебную берег.

Молодой. Уберег?

Старый. Уберег!.. Только по другой специальности назначили. Видят любовь к уборным, так его там глазным назначили при мыле и полотенцах. Готово?

Молодой. Готово!

Сбегают вниз к распределительным доскам и проводам.
Человек в очках и бороде, распахнув дверь, прямым шагом входит на эстраду, спиной к аудитории, поднимает руки.

Оратор. Включить одновременно все районы федерации!

Старший и младший. Есть!

Одновременно загораются все красные, зеленые
и синие лампочки аудитории.

Оратор. Алло! Алло! Говорит председатель института человеческих воскрешений. Вопрос опубликован телеграммами, обсужден, прост и ясен. На перекрестке 62-й улицы и 17-го проспекта бывшего Тамбова прорывающая фундамент бригада на глубине семи метров обнаружила засыпанный землей обледеневший погреб. Сквозь лед феномена просвечивает замороженная человеческая фигура. Институт считает возможным воскрешение индивидуума, замерзшего пятьдесят лет назад.

Урегулируем разницу мнений.

Институт считает, что каждая жизнь рабочего должна быть использована до последней секунды.

Просвечивание показало на руках существа мозоли, бывшие столетия назад признаком трудящегося. Напоминаем, что после войн, пронесшихся над миром, гражданских войн, создавших федерацию земли, декретом от 7 ноября 1965 года жизнь человека неприкосновенна. Довожу до вашего сведения возражения эпидемической секции, боящейся угрозы распространения бактерий, наполнявших бывшие существа бывшей России. С полным сознанием ответственности приступаю к решению. Товарищи, помните, помните и еще раз помните:

Мы
голосуем
человеческую жизнь!

Лампы тушатся, пронзительный звонок,
на экране загорается резолюция, повторяемая оратором.

«Во имя исследования трудовых навыков рабочего человечества, во имя наглядного сравнительного изучения быта требуем воскрешения».

Голоса половины ратрубов: «Правильно, принять!»,
часть голосов: «Долой!» Голоса смолкают мгновенно.
Экран тухнет. Второй звонок, загорается новая резолюция.
Оратор повторяет:

«Резолюция санитарно-контрольных пунктов металлургических и химических предприятий Донбасса. Во избежание опасности распространения бактерий подхалимства и чванства, характерных для двадцать девятого года, требуем оставить экспонат в замороженном виде».

Голоса ратрубов: «Долой!»
Одинокие выкрики: «Правильно!»

Есть ли еще резолюции и дополнения?

Загорается третий экран, оратор повторяет:

«Земледельческие районы Сибири просят воскрешать осень, по окончании полевых работ, для облегчения возможности присутствия широких масс желающих».

Подавляющее количество голосов-труб: «Долой!»,
«Отклонить!» Лампы загораются.

Ставлю на голосование; кто за первую резолюцию, прошу поднять руки!

Подымается подавляющее большинство железных рук.

Опустить! Кто за поправку Сибири?

Подымаются две редких руки.

Собрание федерации приняло: «Воскресить!»

Рев всех ратрубов: «Ура!!!» Голоса молкнут.

Заседание закрыто!

Из двух распахнувшихся дверей врываются репортеры.

Оратор прорывается, бросая радостно во все стороны:

Воскресить! Воскресить!! Воскресить!!!

Репортеры вытаскивают из карманов микрофоны, на ходу крича:

1-й репортер. Алло!!! Волна 472¹/₂ метра... «Чукотские известия»... Воскресить!

2-й репортер. Алло! Алло!!! Волна 376 метров... «Витебская вечерняя правда»... Воскресить!

3-й репортер. Алло! Алло! Алло! Волна 211 метров...
«Варшавская комсомольская правда»... Воскресить!

4-й репортер. «Армавирский литературный понедельник». Алло! Алло!!!

5-й репортер. Алло! Алло! Алло! Волна 44 метра.
«Известия чикагского совета»... Воскресить!

6-й репортер. Алло! Алло! Алло! Волна 115 метров...
«Римская красная газета»... Воскресить!

7-й репортер. Алло! Алло! Алло! Волна 78 метров...
«Шанхайская беднота»... Воскресить!

8-й репортер. Алло! Алло! Алло! Волна 220 метров...
«Мадридская батрачка»... Воскресить!

9-й репортер. Алло! Алло! Алло! Волна 11 метров...
«Кабульский пионер»... Воскресить!

Газетчики врываются с готовыми оттисками.

1-й газетчик

Разморозить

или не разморозить?

Передовицы

в стихах и в прозе!

2-й газетчик

Всемирная анкета

по важнейшей теме —

о возможности заноса

подхалимских эпидемий!

3-й газетчик

Статьи про древние

гитары и романсы

и прочие

способы

одурачивания массы!

4-й газетчик

Последние новости!!! Интервью! Интервью!

5-й газетчик

Научный вестник,

пожалуйста, не пугайтесь!

Полный перечень
так называемых ругательств!
6 - й газетчик
Последнее радио!
7 - й газетчик
Теоретическая постановка
исторического вопроса:
может ли
слона
убить папироса!
8 - й газетчик
Грустно до слез,
смешно до колик:
объяснение
слова «алкоголик»!

VI

Матовая стеклянная двухстворчатая дверь, сквозь стены просвечивают металлические части медицинских приборов. Перед стеной старый профессор и пожилая ассистентка, еще сохранившая характерные черты Зои Березкиной. Оба в белом, больничном.

З о я Б е р е з к и н а . Товарищ! Товарищ профессор, прошу вас, не делайте этого эксперимента. Товарищ профессор, опять пойдет буза...

П р о ф е с с о р . Товарищ Березкина, вы стали жить воспоминаниями и заговорили непонятным языком. Сплошной словарь умерших слов. Что такое «буза»? (*Ищет в словаре.*) Буза... Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков... Буза — это род деятельности людей, которые мешали всякому роду деятельности...

З о я Б е р е з к и н а . Эта его «деятельность» пятьдесят лет назад чуть не стоила мне жизни. Я даже дошла до... попытки самоубийства.

П р о ф е с с о р . Самоубийство? Что такое «самоубийство»? (*Ищет в словаре.*) Самообложение, самодержавие,

самореклама, самоуплотнение... нашел «самоубийство». (Удивленно.) Вы стреляли в себя? Приговор? Суд? Ревтрибунал?

З о я Б е р е з к и н а. Нет... Я сама.

П р о ф е с с о р. Сама? От неосторожности?

З о я Б е р е з к и н а. Нет... От любви.

П р о ф е с с о р. Чуть... От любви надо мосты строить и детей рожать... А вы... Да! Да! Да!

З о я Б е р е з к и н а. Освободите меня, я, право, не могу.

П р о ф е с с о р. Это и есть... Как вы сказали... Буза. Да! Да! Да! Буза! Общество предлагает вам выявить все имеющиеся у вас чувства для максимальной легкости преодоления размораживаемым субъектом пятидесяти анабиозных лет. Да! Да! Да! Да! Ваше присутствие очень, очень важно. Я рад, что вы нашлись и пришли. Он — это он! А вы — это она! Скажите, а ресницы у него были мягкие? На случай поломки при быстром размораживании.

З о я Б е р е з к и н а. Товарищ профессор, как же я могу упомянуть ресницы, бывшие пятьдесят лет назад...

П р о ф е с с о р. Как? Пятьдесят лет назад? Это вчера!.. А как я помню цвет волос на хвосте мастодонта полмиллиона лет назад? Да! Да! Да!.. А вы не помните, — он сильно раздувал ноздри при вдыхании в возбужденном обществе?

З о я Б е р е з к и н а. Товарищ профессор, как же я могу помнить?! Уже тридцать лет никто не раздувает ноздрей в подобных случаях.

П р о ф е с с о р. Так! Так! Так! А вы не осведомлены относительно объема желудка и печени, на случай выделения возможного содержания спирта и водки, могущих воспламениться при необходимом высоком вольтаже?

З о я Б е р е з к и н а. Откуда я могу запомнить, товарищ профессор! Помню, был какой-то живот...

П р о ф е с с о р. Ах, вы ничего не помните, товарищ Березкина! По крайней мере, был ли он порывист?

З о я Б е р е з к и н а. Не знаю... Возможно, но... только не со мной.

П р о ф е с с о р. Так! Так! Так! Я боюсь, что мы отмораживаем его, а отмерзли пока что вы. Да! Да! Да!.. Ну-с, приступаем.

Нажимает кнопку, стеклянная стена тихо расходится.

Посредине, на операционном столе, блестящий оцинкованный ящик человеческих размеров. У ящика краны, под кранами ведра. К ящику электропроводки. Цилиндры кислорода. Вокруг ящика шесть врачей, белых и спокойных. Перед ящиком на авансцене шесть фонтанных умывальников. На невидимой проволоке, как на воздухе, шесть полотенец.

Профессор (*переходя от врача к врачу, говорит*). (*Первому.*) Ток включить по моему сигналу. (*Второму.*) Доведите теплоту до 36,4 — пятнадцать секунд каждая десятая. (*Третьему.*) Подушки кислорода наготове? (*Четвертому.*) Воду выпускать постепенно, заменяя лед воздушным давлением. (*Пятому.*) Крышку открыть сразу. (*Шестому.*) Наблюдать в зеркало стадии оживления.

Врачи наклоняют головы в знак ясности
и расходятся по своим местам.

Начинаем!

Включается ток, вглядываются в температуру. Каплет вода.

У маленькой правой стенки с зеркалом впившийся доктор.

6-й врач. Появляется естественная окраска!

Пауза.

Освобожден ото льда!

Пауза.

Грудь вибрирует!

Пауза.

(*Испуганно.*) Профессор, обратите внимание на неестественную порывистость...

Профессор (*подходит, вглядывается, успокоительно*). Движения нормальные, чешется, — очевидно, оживают присущие подобным индивидуумам паразиты.

6-й врач. Профессор, непонятная вещь: движением левой руки отделяется от тела...

Профессор (*вглядывается*). Он сросся с музыкой, они называли это «чуткой душой». В древности жили Страдивариус и Уткин. Страдивариус делал скрипки, а это делал Уткин, и называлось это гитарой.

Профессор оглядывает термометр и аппарат,
регистрирующий давление крови.

1-й врач. 36,1.

2-й врач. Пульс 68.

6-й врач. Дыхание выровнено.

Профессор. По местам!

Врачи отходят от ящика. Крышка мгновенно откинулась,
из ящика подымается взъерошенный и удивленный

П р и с ы п к и н, озирается, прижав гитару.

П р и с ы п к и н. Ну и выпался! Простите, товарищи,
конечно, выпимши был! Это какое отделение милиции?

Профессор. Нет, это совсем другое отделение! Это —
отделение ото льда кожных покровов, которые вы отморо-
зили...

П р и с ы п к и н. Чего? Это вы чево-то отморозили.
Еще посмотрим, кто из нас были пьяные. Вы, как спецы-
доктора, всегда сами около спиртов третесь. А я себя, как
личность, всегда удостоверить сумею. Документы при мне.
(*Выскакивает, выворачивает карманы.*) 17 руб. 60 коп.
при мне. В МОПР? Уплатил. В Осоавиахим? Внес. «Долой
неграмотность»? Пожалуйста. Это что? Выписка из загса!
(*Свистнул.*) Да я же вчера женился! Где вы теперь, кто
вам целует пальцы? Ну и всыплют мне дома! Расписка
шаферов здесь. Профсоюзный билет здесь. (*Взгляд пада-
ет на календарь, трет глаза, озирается в ужас.*)
12 мая 1979 года! Это ж за сколько у меня в профсоюз не
плочено! Пятьдесят лет! Справок-то, справок спросят! Гу-
ботдел! ЦК! Господи! Жена!!! Пустите! (*Обжимает окру-
жающим руки, бросается в дверь.*)

За ним беспокоящаяся Березкина. Доктора окружают профессора.
Шесть врачей и профессор вдумчиво моют руки.

Х о р о м. Это что он такое руками делал? Совал и тряс,
тряс и совал...

Профессор. В древности был такой антисанитарный
обычай.

Шесть врачей и профессор вдумчиво моют руки.

П р и с ы п к и н (*натываясь на Зою*). Какие вы, гражд-
дане, собственно, есть? Кто я? Где я? Не матушка ли вы
Зои Березкиной будете?

Рев сирены обернул присыпкинскую голову.

Куда я попал? Куда меня попали? Что это?.. Москва?.. Париж?? Нью-Йорк?! Извозчик!!!

Рев автомобильных сирен.

Ни людей, ни лошадей! Автодоры, автодоры, автодоры!!!
(Прижимается к двери, почесывается спиной, ищет пятерней, оборачивается, видит на белой стене переползающего с воротничка клопа.) Клоп, клопик, клопуля!!!
(Перебирает гитару, поет.) Не уходи, побудь со мною...
(Ловит клопа пятерней; клоп уполз.) Мы разошлись, как в море корабли... Уполз!.. Один! Но нет ответа мне, скова один я... Один!!! Извозчик, автодоры... Улица Луначарского, 17! Без вещей!!! (Хватается за голову, падает в обморок на руки выбежавшей из двери Березкиной.)

VII

Середина сцены — треугольник сквера. В сквере три искусственных дерева. Первое дерево — на зеленых квадратах-листьях — огромные тарелки, на тарелках мандарины. Второе дерево — бумажные тарелки, на тарелках яблоки. Третье — зеленое, с елочными шишками, — открытые флаконы духов. Бока — стеклянные и облицованные стены домов.

По сторонам треугольника — длинные скамейки.

Входит репортёр, за ним четверо:

мужчины и женщины.

Репортёр. Товарищи, сюда, сюда! В тень! Я вам расскажу по порядку все эти мрачные и удивительные происшествия. Во-первых... Передайте мне мандарины. Это правильно делает городское самоуправление, что сегодня деревья мандаринятся, а то вчера были одни груши — и не сочно, и не вкусно, и не питательно...

Девушка снимает с дерева тарелку с мандаринами, сидящие чистят, едят, с любопытством наклоняясь к репортеру.

1-й мужчина. Ну, скорей, товарищ, рассказывайте все подробно и по порядку.

Репортёр. Так вот... Какие сочные ломтики! Не хотите ли?.. Ну хорошо, хорошо, рассказываю. Подумаешь, нетерпение! Конечно, мне как президенту репортажа, известно все... Так вот, видите, видите?..

Быстрой походкой проходит
человек с докторским ящиком
с термометрами.

Это — ветеринар. Эпидемия распространяется. Будучи оставлено одно, это воскрешенное млекопитающее вступило в общение со всеми домашними животными небоскреба, и теперь все собаки взбесились. Оно выучило их стоять на задних лапах. Собаки не лают и не играют, а только служат. Животные пристают ко всем обедающим, подласкиваются и подлизываются. Врачи говорят, что люди, покушанные подобными животными, приобретут все первичные признаки эпидемического подхалимства.

Сидящие. О-о-о!!!

Репортер. Смотрите, смотрите!

Проходит шатающийся человек, нагруженный
корзинками с бутылками пива.

Проходящий (*напевает*)

В девятнадцатом веке
чуждо жили человеки —
пили водку, пили пиво, —
сизый нос висел, как слива!

Репортер. Смотрите, конченный, больной человек! Это один из ста семидесяти пяти рабочих второй медицинской лаборатории. В целях облегчения переходного существования врачами было предписано поить воскрешенное млекопитающее смесью, отравляющей в огромных дозах и отвратительной в малых, так называемым пивом. У них от ядовитых испарений закружилась голова, и они по ошибке глотнули этой прохладительной смеси. И с тех пор сменяют уже третью партию рабочих. Пятьсот двадцать рабочих лежат в больницах, но страшная эпидемия трехгорной чумы пенится, бурлит и подкашивает ноги.

Сидящие. А-а-а-а!!!

Мужчина (*мечтательно и томительно*). Я б себя принес в жертву науке, — пусть привьют и мне эту загадочную болезнь!

Репортер. Готов! И этот готов! Тихо... Не спугните эту лунатичку...

Проходит д е в у ш к а, ноги заплетаются в «па» фокстрота и чарльстона, бормочет стихи по книжице в двух пальцах вытянутой руки. В двух пальцах другой руки воображаемая роза, подносит к ноздрям и вдыхает.

Несчастливая, она живет рядом с ним, с этим бешеным млекопитающим, и вот ночью, когда город спит, через стенку стали доноситься к ней гитарные рокотанья, потом протяжные, душу раздирающие придыхания и всхлипы нараспев, как это у них называется? «Романсы», что ли? Дальше — больше, и несчастная девушка стала сходить с ума. Убитые горем родители собирают консилиумы. Профессора говорят, что это приступы острой «влюбленности», — так называлась древняя болезнь, когда человечья половая энергия, разумно распределяемая на всю жизнь, вдруг скоротечно конденсируется в неделю в одном воспалительном процессе, ведя к безрассудным и невероятным поступкам.

Д е в у ш к а (*закрывает глаза руками*). Я лучше не буду смотреть, я чувствую, как по воздуху разносятся эти ужасные влюбленные микробы.

Репортер. Готова, и эта готова... Эпидемия океанится...

30 герлс проходят в танце.

Смотрите на эту тридцатиголовую шестидесятиножку! Подумать только — и это вздымание ног они (*к аудитории*) обзывали искусством!

Фокстротирующая пара.

Эпидемия дошла... дошла... до чего дошла? (*Смотрит в словарь.*) До а-по-гея, ну... это уже двуполое четвероногое.

Вбегает д и р е к т о р зоологического сада с небольшим стеклянным ларчиком в руках. За директором т о л п а , вооруженная зрительными трубами, фотоаппаратами и пожарными лестницами.

Д и р е к т о р (*ко всем*). Видали? Видали? Где он? Ах, вы ничего не видали!! Отряд охотников донес, что его видели здесь четверть часа тому назад: он перебирался на четвертый этаж. Считая среднюю его скорость в час пол-

тора метра, он не мог уйти далеко. Товарищи, немедленно обследуйте стены!

Наблюдатели развинчивают трубы, со скамеек вскакивают, глядываются, заслоня глаза. Директор распределяет группы, руководит поисками.

Г о л о с а.

— Разве его найдешь!.. Нужно голого человека на матраце в каждом окне выставить — он на человека бежит...

— Не орите, спугнете!!!

— Если я найду, я никому не отдам...

— Не смеешь: он коммунальное достояние...

В о с т о р ж е н н ы й г о л о с. Нашел!!! Есть! Ползет!..

Бинокли и трубы уставлены в одну точку. Молчание, прерываемое щелканьем фото- и киноаппаратов.

Профессор (*придушенным шепотом*). Да... Это он! Поставьте засады и охрану. Пожарные, сюда!!!

Люди с сетками окружают место. Пожарные развинчивают лестницу, люди карабкаются гуськом.

Директор (*опуская трубу, плачуцим голосом*). Ушел... На соседнюю стену ушел... SOS! Сорвется — убьется! Смельчаки, добровольцы, герои!!! Сюда!!!

Развинчивают лестницу перед второй стеной, вскарабкиваются. Зрители замирают.

В о с т о р ж е н н ы й г о л о с с в е р х у. Поймал! Ура!!!

Директор. Скорей!!! Осторожней!!! Не упустите, не помните животному лапки...

По лестнице из рук в руки передают зверя, наконец очутившегося в директорских руках. Директор запрятывает зверя в ларец и подымает ларец над головой.

Спасибо вам, незаметные труженики науки! Наш зоологический сад ошастливлен, ошедеврэн... Мы поймали редчайший экземпляр вымершего и популярнейшего в начале столетия насекомого. Наш город может гордиться — к нам будут стекаться ученые и туристы... Здесь, в моих руках, единственный живой «клопус нормалис». Отойдите, граждане: животное уснуло, животное скрестило лапки, животное хочет отдохнуть! Я приглашаю вас всех на торжественное открытие в зоопарк. Важнейший, тревожнейший акт поимки завершен!

VIII

Гладкие опаловые, полупрозрачные стены комнаты.
Сверху из-за карниза ровная полоса голубоватого света.
Слева большое окно. Перед окном рабочий чертежный стол.
Радио. Экран. Три-четыре книги. Справа выдвинутая из стены кровать, на кровати, под чистой одеялом, грязнейший
П р и с ы п к и н. Вентиляторы. Вокруг Присыпкина угол обгрязен. На столе окурки, опрокинутые бутылки.
На лампе обрывок розовой бумаги. Присыпкин стонет.
В р а ч нервно шагает по комнате.

П р о ф е с с о р (*входит*). Как дела больного?

В р а ч. Больного — не знаю, а мои отвратительны! Если вы не устроите смену каждые полчаса, — он перезаразит всех. Как дыхнет, так у меня ноги подкашиваются! Я уж семь вентиляторов поставил: дыхание разгонять.

П р и с ы п к и н. О-о-о!

Профессор бросается к Присыпкину.

Профессор, о профессор!!!

Профессор тянет носом и отпатывается в головокружении, ловя воздух руками.

Опохмелиться...

Профессор наливает пива на донышко стакана, подает.

(*Приподнимается на локтях. Укоризненно.*) Воскресли... и издеваются! Что это мне — как слону лимонад!..

П р о ф е с с о р. Общество надеется развить тебя до человеческой степени.

П р и с ы п к и н. Черт с вами и с вашим обществом! Я вас не просил меня воскрешать. Заморозьте меня обратно! Во!!!

П р о ф е с с о р. Не понимаю, о чем ты говоришь! Наша жизнь принадлежит коллективу, и ни я, ни кто другой не могут эту жизнь...

П р и с ы п к и н. Да какая же это жизнь, когда даже карточку любимой девушки нельзя к стенке прикрепить? Все кнопки об проклятое стекло обламываются... Товарищ профессор, дайте опохмелиться.

П р о ф е с с о р (*наливает стакан*). Только не дышите в мою сторону.

Зоя Березкина входит с двумя стопками книг.
Врачи переговариваются с ней шепотом, выходят.

Зоя Березкина (*садится около Присыпкина, распаховывает книги*). Не знаю, пригодится ли это. Про что ты говорил, этого нет, и никто про это не знает. Есть про розы только в учебниках садоводства, есть грезы только в медицине, в отделе сновидений. Вот две интереснейшие книги приблизительно того времени. Перевод с английского: Хувер — «Как я был президентом».

Присыпкин (*берет книгу, отбрасывает*). Нет, это не для сердца, надо такую, чтоб замирало...

Зоя Березкина. Вот вторая — какого-то Муссолини: «Письма из ссылки».

Присыпкин (*берет, откидывает*). Нет, это ж не для души. Отстаньте вы с вашими грубыми агитками. Надо, чтоб щипало...

Зоя Березкина. Не знаю, что это такое? Замирало, щипало... щипало, замирало...

Присыпкин. Что ж это? За что мы старались, кровь проливали, когда мне, гегемону, значит, в своем обществе в новоизученном танце и растанцеваться нельзя?

Зоя Березкина. Я показывала ваше телодвижение даже директору центрального института движений. Он говорит, что видал такое на старых коллекциях парижских открыток, а теперь, говорит, про такое и спросить не у кого. Есть пара старух — помнят, а показать не могут по причинам ревматическим.

Присыпкин. Так для чего ж я себе преемственное изящное образование вырабатывал? Работать же я ж и до революции мог.

Зоя Березкина. Я возьму тебя завтра на танец десяти тысяч рабочих и работниц, будут двигаться по площади. Это будет веселая репетиция новой системы полевых работ.

Присыпкин. Товарищи, я протестую!!! Я ж не для того размерз, чтобы вы меня теперь засушили. (*Срывает одеяло, вскакивает, схватывает свернутую кипу книг и встряхивает ее из бумаги. Хочет изодрать бумагу и вдруг взглядывается в буквы, перебегая от лампы к лампе.*) Где? Где вы это взяли?..

Зоя Березкина. На улицах всем раздавали... Должно быть, в библиотеке в книги вложили.

Присыпкин. Спасен!!! Ура!!! *(Бросается к двери, как флагом развевая бумажкой.)*

Зоя Березкина *(одна)*. Я прожила пятьдесят лет вперед, а могла умереть пятьдесят лет назад из-за такой мрази.

IX

Зоологический сад. Посредине на пьедестале клетка, задрапированная материями и флагами. Позади клетки два дерева. За деревьями клетки слонов и жирафов. Слева клетки трибуна, справа возвышение для почетных гостей.

Кругом музыканты. Группами подходят зрители. Распорядители с бантами расставляют подошедших — по занятиям и росту.

Распорядитель. Товарищи иностранные корреспонденты, сюда! Ближе к трибунам! Посторонитесь и дайте место бразильцам! Их аэрокорабль сейчас приземляется на центральном аэродроме. *(Отходит, любуется.)*

Товарищи негры, стойте попеременно с англичанами красивыми цветными группами, англосаксонская белизна еще больше оттенит вашу оливковость... Учащиеся вузов, — налево, к вам направлены три старухи и три старика из союза столетних. Они будут дополнять объяснения профессоров рассказами очевидцев.

Въезжают в колясках старики и старухи.

1-я старуха. Как сейчас помню...

1-й старик. Нет — это я помню, как сейчас!

2-я старуха. Вы помните, как сейчас, а я помню, как раньше.

2-й старик. А я как сейчас помню, как раньше.

3-я старуха. А я помню, как еще раньше, совсем, совсем рано.

3-й старик. А я помню и как сейчас и как раньше.

Распорядитель. Тихо, очевидцы, не шепелявьте! Расступитесь, товарищи, дорогу детям! Сюда, товарищи! Скорее! Скорее!!

Д е т и

(маршируют колонной с песней)

Мы здорово
 учимся
на бывшее «ять»!
Зато мы
 и лучше всех
умеем
 гулять.
Иксы
 и игреки
давно
 сданы.
Идем
 туда,
 где тигрики
и где
 слоны!
Сюда,
 где звери многие,
и мы
 с людьём
в сад
 зоологии
 идем!
 идем!!
 идем!!!

Р а с п о р я д и т е л ь. Граждане, желающие доставлять экспонатам удовольствия, а также использовать их в научных целях, благоволят приобретать дозированные экзотические продукты и научные приборы только у официальных служащих зоосада. Дилетантство и гипербола в дозах — смертельны. Просим пользоваться только этими продуктами и приборами, выпущенными центральным медицинским институтом и городскими лабораториями точной механики.

По саду и театру идут с л у ж и т е л и зоосада.

1 - й с л у ж и т е л ь

В кулак

бактерии

рассматривать глупо!

Товарищи,
берите
микроскопы и лупы!
2 - й с л у ж и т е л ь

Иметь
советует
доктор Тоболкин
на случай оплевания
раствор карболки.
3 - й с л у ж и т е л ь

Кормление экспонатов —
незабываемая
картина!

Берите
дозы
алкоголя и никотина!
4 - й с л у ж и т е л ь

Пойте алкоголем,
и животные обеспечены
подагрой,
идиотизмом
и расширением печени.
5 - й с л у ж и т е л ь

Гвоздика огня
и дымная роза
гарантируют
100
процентов
склероза.
6 - й с л у ж и т е л ь

Держите
уши
в полном вооружении.
Наушники
задерживают
грубые выражения.

Распорядитель (*расчищает проход к трибуне горсовета*). Товарищ председатель и его ближайшие сотрудники оставили важнейшую работу и под древний государственный марш прибыли на наше торжество. Приветствуем дорогих товарищей!

Все аплодируют, проходит группа с портфелями,
степенно раскланиваясь и напевая.

В с е

Службы

время

не сморщило нас.

Делу —

время,

потехе —

час!

Привет вам

от города,

храбрые ловцы!

Мы вами

гóрды,

мы —

города отцы!!!

Председатель (*входит на трибуну, взмахивает флагом, все затихает*). Товарищи, объявляю торжество открытым. Наши года чреваты глубокими потрясениями и переживаниями внутреннего порядка. Внешние события редки. Человечество, истомленное предыдущими событиями, даже радо этому относительному покою. Однако мы никогда не отказываемся от зрелища, которое, будучи феерическим по внешности, таит под радужным оперением глубокий научный смысл. Прискорбные случаи в нашем городе, явившиеся результатом неосмотрительного допущения к пребыванию в нем двух паразитов, случаи эти моими силами и силами мировой медицины изжиты. Однако эти случаи, теплящиеся слабым напоминанием прошлого, подчеркивают ужас поверженного времени и мощь и трудность культурной борьбы рабочего человечества.

Да закалятся души и сердца нашей молодежи на этих зловещих примерах!

Не могу не отметить благодарностью и предоставляю слово прославленному нашему директору, разгадавшему смысл странных явлений и сделавшему из пагубных явлений научное и веселое препровождение времени.

Ура!!!

Все кричат «ура», музыка играет туш, на трибуну влазит раскланивающийся директор зоологического сада.

Директор. Товарищи! Я обрадован и смущен вашим вниманием. Учитывая и свое участие, я не могу все же не принести благодарности преданным труженикам союза охотников, являющимся непосредственными героями поимки, а также уважаемому профессору института воскрепшений, поборовшему замораживающую смерть. Хотя я и не могу не указать, что первая ошибка уважаемого профессора была косвенной причиной известных бедствий. По внешним мимикрийным признакам — мозолям, одежде и прочему — уважаемый профессор ошибочно отнес разможенное млекопитающее к «гомо сапиенс» и к его высшему виду — к классу рабочих. Не приписываю успех исключительно своему долгому обращению с животными и проникновению в их психологию. Мне помог случай. Неясная, подсознательная надежда твердила: «Напиши, дай, разгласи объявления». И я дал:

«Исходя из принципов зоосада, ищу живое человеческое тело для постоянных обкусываний и для содержания и развития свежеприобретенного насекомого в привычных ему, нормальных условиях».

Голос из толпы. Ах, кой южас!

Директор. Я понимаю, что ужас, я сам не верил собственному абсурду, и вдруг... существо является! Его внешность почти человеческая... Ну, вот как мы с вами...

Председатель Совета (*звонит в звонок*). Товарищ директор, я призываю вас к порядку!

Директор. Простите, простите! Я, конечно, сейчас же путем опроса и сравнительной зверологии убедился, что мы имеем дело со страшным человекообразным симулянтом и что это самый поразительный паразит. Не буду вдаваться в подробности, тем более что они вам сейчас откроются в этой в полном смысле поразительной клетке.

Их двое — разных размеров, но одинаковых по существу: это знаменитые «клопус нормалис» и... и «обывате-

лиус вульгарис». Оба водятся в затхлых матрацах времени.

«Клопус нормалис», разжирев и упишишь на теле одного человека, падает под кровать.

«Обывателиус вульгарис», разжирев и упившись на теле всего человечества, падает на кровать. Вся разница!

Когда трудящееся человечество революции обчесывалось и корчилось, соскребая с себя грязь, они свивали себе в этой самой грязи гнезда и домики, били жен и клялись Бебелем, и отдыхали и благодушевствовали в шатрах собственных галифе. Но «обывателиус вульгарис» страшнее. С его чудовищной мимикрией он привлекает обкусываемых, прикидываясь то сверчком-стихоплетом, то романсоголосой птицей. В те времена даже одежда была у них мимикрирующая — птичье обличье — крылатка и хвостатый фрак с белой-белой крахмальной грудкой. Такие птицы свивали гнезда в ложах театров, громоздились на дубах опер, под «Интернационал» в балетах чесали ногу об ногу, свисали с веточек строк, стригли Толстого под Маркса, голосили и зазывали в возмутительных количествах и... простите за выражение, но мы на научном докладе... гадили в количествах, не могущих быть рассматриваемыми, как мелкая птичья неприятность.

Товарищи! Впрочем... убеждайтесь сами!

Делает знак, служители обнажают клетку; на пьедестале клопий ларец, за ним возвышение с двуспальной кроватью.

На кровати Присыпкина с гитарой. Сверху клетки свешивается желтая абажурная лампа. Над головой Присыпкина сияющий венчик — веер открыток. Бутылки стоят и валяются на полу. Клетка окружена плевательными урнами. На стенах клетки — надписи, с боков фильтры и озонаторы. Надписи:

1. «Осторожно — плюется!»
2. «Без доклада не входить!»
3. «Берегите уши — оно выражается». Музыка сыграла туш; освещение бенгальское; отхлынувшая толпа приближается, онемев от восторга.

Присыпкина

На Луначарской улице
я помню старый дом —
с широкой темной лестницей,
с завешенным окном!..

Директор. Товарищи, подходите, не бойтесь, оно совсем смирное. Подходите, подходите! Не беспокойтесь: четыре фильтра по бокам задерживают выражения на внутренней стороне клетки, и наружу поступают немногочисленные, но вполне достойные слова. Фильтры прочищаются ежедневно специальными служителями в противогазах. Смотрите, оно сейчас будет так называемое «курить».

Голос из толпы. Ах, какой ужас!

Директор. Не бойтесь — сейчас оно будет так называемое «вдохновляться». Скрипкин, — опрокиньте!

Скрипкин тянется к бутылке с водкой.

Голос из толпы. Ах, не надо, не надо, не мучайте бедное животное!

Директор. Товарищи, это же совсем не страшно: оно ручное! Смотрите, я его выведу сейчас на трибуну. *(Идет к клетке, надевает перчатки, осматривает пистолеты, открывает дверь, выводит Скрипкина, ставит его на трибуну, поворачивает лицом к местам почетных гостей.)* А ну, скажите что-нибудь коротенькое, подражая человеческому выражению, голосу и языку.

Скрипкин *(покорно становится, покашливает, подымает гитару и вдруг оборачивается и бросает взгляд на зрительный зал. Лицо Скрипкина меняется, становится восторженным. Скрипкин отталкивает директора, швыряет гитару и орет в зрительный зал)*. Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалте ко мне! За что ж я страдаю?! Граждане!..

Голоса гостей.

— Детей, уведите детей...

— Намордник... намордник ему...

— Ах, какой ужас!

— Профессор, прекратите!

— Ах, только не стреляйте!

Директор с вентилятором, в сопровождении двух служителей вбегает на эстраду. Служители оттаскивают Скрипкина. Директор проветривает трибуну.

Музыка играет туш. Служители задерживают клетку.

Д и р е к т о р. Простите, товарищи... Простите... Насе-
комое утомилось. Шум и освещение ввергли его в состоя-
ние галлюцинации. Успокойтесь. Ничего такого нет. Зав-
тра оно успокоится... Тихо, граждане, расходитесь, до
завтра.

Музыка, марш!

К о н е ц

1928—1929